

Гиббон Эдвард

**Упадок и разрушение
Римской империи**

ББК 63.3(0)

Г46

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Г46

Гиббон Эдвард

Упадок и разрушение Римской империи / Пер. с англ.
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. —
959 с.

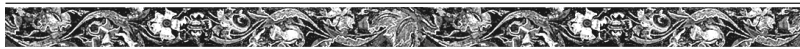
ISBN 978-5-519-73225-3

Эдвард Гиббон — автор величайшего исторического труда по истории позднего Рима. Эта книга — сокращенный вариант многотомного труда знаменитого историка. Сочинение, до сих пор не потерявшее своей ценности, охватывает период с конца II века (правление императора Коммода) до падения Константинополя в 1453 году. Философские взгляды Гиббона, художественные достоинства его стиля, тонкий анализ событий, живые и образные портреты повлияли на формирование целой эпохи в науке, литературе и искусстве.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-519-73225-3

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2005

ВВЕДЕНИЕ

Сокращенный вариант книги «Упадок и разрушение Римской империи» был составлен в надежде привлечь к ней новых читателей, а тем, которые с ней знакомы, дать что-то меньшее по размеру, чем полное сочинение, которое редко уместается даже в шести томах, так что чаще всего томов бывает больше чем шесть.

До наших дней ничто не оказало большего влияния на ход истории Европы и Ближнего Востока, чем Римская империя, и, в частности, ее упадок и разрушение. А о событиях того времени нигде не рассказано лучше, чем в книге Гиббона. Все признают, что в ней сочетаются редкостная эрудиция и несравненное литературное мастерство. Но не так часто говорят о том, какой мощной опорой эти два качества являются друг для друга. Хотя книга Гиббона была написана давно и с тех пор открыто и написано много нового, все единогласно признают, что она не утратила своего значения — еще и потому, что благодаря своим художественным достоинствам книга прекрасно читается. Потеряв «Упадок и разрушение...» свою историческую ценность, было бы напрасно надеяться, что кто-нибудь станет читать эту книгу ради одной красоты стиля — может быть, только несколько литературных критиков, любителей препарировать тексты. Поэтому в сокращенный вариант надо было отобрать такие фрагменты, где были бы видны обе стороны произведения. Любой метод, при котором надо было бы разрезать книгу на отрывки и потом складывать их заново, учитывая только ценность описанных фактов, искачил бы это великое сочинение и скрыл бы от читателей его истинную красоту. Нужно было рассматривать книгу как нечто единое и при этом помнить о необходимости сократить, насколько возможно, ее объем, не разрушая возникающего при чтении чувства целостности.

Первым человеком, который сравнил «Упадок и разрушение...» с мостом из Античности в современный мир, была мадам Неккер. Сам Гиббон заявлял, что рассказывает о триумфе варварства и религии. Какими бы ни были взгляды или религиозные верования читателя, ему

трудно будет усомниться в верности этих слов. На том конце своего моста, который смыкается с древностью, Гиббон очень предусмотрительно поместил три написанных с большим мастерством обзорных главы, где обрисовал место действия и перечислил темы своего сочинения. Эти главы были включены в сокращенный вариант почти полностью, поскольку без них нельзя понять намерения и выводы автора. Выброшены были, например, куски, где речь шла о римских провинциях и войсках, эти темы интересны лишь специалистам, и с ними можно лучше ознакомиться по работам исследователей нашего времени. После такой «расстановки декораций» повествование движется вперед, описывая основные повороты и события имперского правления до упразднения Западной Римской империи около 476 года. Из этой части исключено целиком несколько глав, а некоторые особенно сложные по строению куски заменены кратким изложением их содержания.

Во второй части книги рассказано о примерно тысячелетнем периоде, в отличие от первой, где описанное время гораздо короче — от 180-го до 476 года н. э. Повествование Гиббона неизбежно стало очень быстрым и часто сжатым, а ограниченность его знаний и несовершенство оценок истории Византийской империи известны уже давно. Несмотря на это, не следует забывать, что значительная часть самых лучших с литературной точки зрения мест книги находится именно во второй ее половине, а мастерство, с которым автор выстраивает свою центральную тему, ведя рассказ к падению Константинополя, до сих пор не имеет равных. При сокращении эта центральная тема была сохранена, но некоторыми второстепенными пришлось пожертвовать. Однако даже от них было оставлено основное содержание. Например, рассказ о возникновении и усилении ислама сюда вошел, а о завоеваниях, распространивших власть арабов и арабскую цивилизацию на запад до Испании, которая тогда не входила в империю, — нет. Подобным же образом были исключены или сокращены места, где рассказано о развитии современных европейских народов и Священной Римской империи. С другой стороны, описание вторжений в Италию и разграблений Рима, произошедших после падения Западной империи, представлено в нашем варианте достаточно полно. Рим всегда в какой-то степени оставался главным городом империи, и Гиббон никогда не забывал надолго о его бедах.

Одно из многочисленных достоинств Гиббона-историка — ощущение вечности Рима. В его ощущении Римской империи как единого целого было больше уверенности, чем проявляли в этом случае иные, более поздние авторы. Даже после того, как территория империи была поделена между западным и восточным правительствами, это все-таки была одна империя, а не две; хотя в Константинополе постепенно перестали говорить на латыни, греки — граждане империи по праву считали себя римлянами и называли свой язык ромейским. Так до сих пор называется в разговорной речи современный греческий язык. Поэтому,

когда в 1453 году завоеватель Мехмед II въехал на коне в Константинополь, город не просто пал, а окончательно исчезла с лица земли Римская империя, временем возникновения которой условно можно считать 27 год до н. э. Но рассказ Гиббона на этом не кончается.

Он рассказывает нам в своем знаменитом отрывке о той минуте, когда его озарила мысль написать «Упадок и разрушение..», что первоначально планировал «ограничиться упадком города, а не империи». Прошло немало времени, прежде чем Гиббон разработал тот план, который потом выполнил. Первоначальное озарение не было забыто: на протяжении всей книги автор время от времени обращается к описанию постепенного упадка города, а после трогательного и красочного рассказа об окончательной гибели Нового Рима наносит на свой шедевр последний мазок — спокойный эпилог о состоянии Рима в Средние века и в XVI веке; оно в основном мало отличалось от той городской жизни, которую он сам очень подробно изучал во время своего единственного приезда в Рим. Когда Гиббон писал эти элегические главы, он, несомненно, переносился мыслью в то далекое прошлое, но одновременно с этим возвращал читателей к начальным главам, где так хорошо расставил декорации и определил тему. «Упадок и разрушение..» действительно напоминает какую-то огромную по размеру мрачную симфонию, где мотивы, заявленные в начале, подхватываются и разрешаются в конце размышлением об ужасной катастрофе, к которой все это привело в результате, и о том, что над общей картиной гибели все-таки уже светит несколько лучей зари — предвестников Возрождения и того современного мира, в котором историк должен был жить и работать. Так тесно переплетались между собой жизнь и творчество этого человека.

Не каждый, кто начинал читать «Упадок и разрушение..», дочитал эту книгу до конца, а недочитавший мог не разглядеть совершенство ее планировки. Поэтому есть надежда, что одним из достоинств сокращенного варианта будет то, что здесь начало и конец оказались под одной обложкой.

Редактор, конечно, не забывает, что, сочиняя начальные главы, Гиббон еще не собирался довести свое историческое сочинение так далеко — до 1453 года. Но это соображение не должно умалять того совершенства, которое автор в итоге осознанно придал структуре своей книги.

Знаменитые 15-я и 16-я главы, где описаны возникновение и рост христианства, включены сюда полностью: у редактора было чувство, что, изымая что-либо из этого важнейшего повествования, он в какой-то степени поставил бы собственное мнение между идеями автора и читателем. Начиная с 1776 года, когда был издан в формате ин-квартио первый том книги, умело рассчитанной кульминацией которого являются эти главы, они остаются самым известным — а для многих людей и единственным известным — трудом Гиббона о христианстве. Это

была несчастливая случайность, поэтому сюда включены большие куски последующих глав, посвященные развитию богословия и церкви. Рассказ о вторжениях варваров и истории внутриимперских дел на Востоке нельзя понять в отрыве от распространения арианства и от различий во взглядах на Троицу и на Боговоплощение. Здесь будет уместно вспомнить слова кардинала Ньюмена, с сожалением отметившего, что Гиббон — наш единственный историк церкви. Время и человеческое трудолюбие исправили этот недостаток. И все же те историки церкви, кого ценят наиболее высоко, единогласно осуждают вместе с Гиббоном слепую доверчивость, не имеющую под собой основы суеверия и сознательный обман, оплакивают то падение с высоты первоначальных идеалов до светского честолюбия, которое так часто встречается в истории всех религий. Гиббон первый сделал историю религии светской наукой. Его преемники в большинстве случаев отличались от него лишь методом и интонацией. На эту тему нужно кое-что сказать. Некоторые авторы, судя о Гиббоне поверхностно, говорят о его нелюбви к христианству. Он действительно с легким сердцем писал о том, что Джилберт Муррей в наше время назвал бы «пагубным вздором». Но ни одной нападки на «чистые и простые заповеди Евангелия» у Гиббона нет. Он никогда не бросает вызов христианской морали, как делали некоторые более поздние агностики. Гиббон всегда уважает искренность и отвагу тех, кто верен своим идеалам. Посмотрите, как он пишет о Киприане, Афанасии и Иоанне Златоусте. Заметьте также, с какой иронией Гиббон сумел описать и взгляды, и поступки Юлиана Отступника в области религии. Но при всем этом было бы ошибкой заявлять, что у Гиббона было много общего собственно с церковью и ее жизнью. Его ум развился и достиг зрелости в кругу тех философов континентальной Европы, о которых Литтон Стрэчи в своем очерке, посвященном мадам Дюдефан, написал так: «Скептицизм этого поколения был самым бескомпромиссным скептицизмом в мире: он отгораживался голой стеной полного равнодушия и от тайн нашего мира, и от их загадок».

Если долгое применение Гиббоном «серьезной и сдержанной иронии», которой он научился у Паскаля, в конце концов начинает нас утомлять, мы должны вспомнить вместе с Дж.Б. Бари, что язык иносказаний был необходимой предосторожностью в XVIII веке, когда церковь могла очнуться от своей дремоты и привлечь человека к суду за богохульство.

Современные Гиббону священнослужители и тем более некоторые из тогдашних мирян не поняли и не могли понять того, что он делал. Они и не пытались понять. Их раздражало то, в чем они видели нападки на учреждение, составлявшее часть существующего порядка. За неимением лучшего повода эти люди использовали классический прием — стали оскорблять адвоката, который защищает истца. На первый взгляд это была легкая мишень: Гиббон был человеком тучным и при

этом модником, а ум англичанина с трудом прощает человеку такое сочетание. В течение ста лет было привычкой подчеркивать смешные черты его внешности и при этом упорно порочить его характер. За время, прошедшее с тех пор, его душевные качества были оценены более трезво. Эта оценка показала тем, кто потрудился ее выслушать, что хотя мы и можем по-прежнему смеяться над забавными и странными чертами внешности Гиббона (не смеяться мог бы лишь ученый сухарь), но должны признать, что Гиббон отличался духовной цельностью и в области морали, и в области интеллекта. По свидетельству близких друзей, он также был очень человечным, и в этой работе эти три свойства его души чувствуются на каждой странице.

Вполне естественно сравнивать события жизни Римской империи с современной историей Европы. Шестьдесят лет назад, в более приятные для европейцев времена, лорд Брюс провел интересную параллель между Римской империей времен Августовой колонизации и Британской империей. Сегодня те, кто чувствует себя людьми разрушающейся цивилизации, могут найти много материала для сравнений в истории упадка Римской империи. Читателям предоставляется возможность сделать это самостоятельно, однако можно предположить, что здесь будут уместны один или два комментария о подходе Гиббона к избранной им теме.

Гиббон, до того как начать эту работу, провел молодость и начало зрелости за изучением античной литературы, прежде всего римских авторов; его взгляды сформировались на основе тех стандартов, которые он видел в их сочинениях. Почти всю свою работу Гиббон пишет так, как если бы был высокообразованным сенатором лучших дней империи. Его концепция упадка и разрушения была бы естественной для такого сенатора при условии, что время правления Антонинов действительно было золотым веком и что это мнение не могут поколебать более поздние исследования, показавшие, что безмятежный покой в экономике был обманчивым. Приняв теорию скатывания вниз, в упадок не только с вершины процветания, но и с вершины классических стандартов в литературе и философии, Гиббон ведет свой рассказ (по крайней мере, до падения Западной империи) без грубых логических неувязок. Его традиционные жалобы на потерю политической свободы не мешают с большой пронизательностью описывать многие политические и административные нововведения, начиная от принципата Августа и кончая организационными мерами Диоклетиана и Константина. Кстати, нелюбовь к придворному церемониалу азиатского происхождения, который был заимствован Диоклетианом и его преемниками, а потом распространился по всей Европе, у Гиббона не менее заметна, чем безразличие к религии.

Естественно, со своей senatorской или римской точки зрения Гиббон видит во вторжениях варваров чуть больше, чем волны уничтожающей стихии. Но с другой точки зрения, например с той, на которой

стоял Бари, можно разглядеть и понять, что вторгавшиеся не всегда желали все уничтожать; иногда они хотели просто переселиться на более благоприятные для жизни земли империи и включиться в ее жизнь. Такое различие точек зрения может привести к расхождениям во взглядах на заселение германскими народностями приграничных областей империи. Более того, германцы привезли с собой много приспособлений, которые сделали жизнь европейцев удобнее, но которых не изобрел греко-римский мир.

Но сильнее всего принятая Гиббоном теория упадка уводит его с верного пути там, где он пишет об истории византийской цивилизации. В этом случае нужно почитать в качестве «противоядия» современных авторов. Читатель может выбрать себе в качестве руководства один вопрос: как получилось то, что сказано в одном метком изречении: «Константинополь постоянно был в упадке и при этом тысячу лет оставался бастионом Европы»?

И все же остается правдой то, что и Западная, и Восточная империи пришли к своему концу. Позднейшие историки больше занимались выяснением причин этого падения, чем просто рассказывали о нем. Между этими исследователями нет полного согласия, поэтому читатель может выбрать Гиббона — хладнокровного наблюдателя за угасанием Западной империи. В этом случае мы обнаруживаем, что он не столько искал причины разрушения, сколько удивлялся, как такая сложная структура могла не распасться столько веков. Мы, видевшие, как имперские системы, которые считались прочнее римской, рассыпались за немногие годы, можем только похвалить Гиббона за мудрость и разделить с ним его удивление.

Если сделать все эти поправки, то место, занятое Гиббоном для ведения рассказа внутри римского мира, фактически становится достоинством, а не недостатком. Он вводит нас в самую середину этого мира и рассказывает нам о нем, никогда не теряя из виду свою цель и опираясь на авторитетные работы древних авторов и такое количество взятых оттуда подробностей, которое нельзя найти ни в одной современной работе. В конечном счете книга Гиббона стала чем-то большим, чем собрание подробностей жизни Римской империи. Многими признано, что она является эпической поэмой в прозе, где весь исторический опыт рассматривается в масштабе целого мира. Хотя Гиббон и смотрел на историю только как на «список преступлений, безумств и несчастий человечества», благодаря широте обзора и состраданию его взгляд на историю ставит автора на ту ступень искусства, выше которой поднимаются лишь великие поэты.

Порядок частей текста в сокращенном варианте тот же, что у Гиббона, но из этого правила есть одно заметное исключение — начальный отрывок, озаглавленный «Пролог». Как указано в тексте, он взят из конца главы 3 и казался лучшим началом, чем текст, с которого начинается глава 1. Включить же оба отрывка сразу помешал недоста-

ток места, поэтому редактор, не претендуя на то, что его мнение важнее мнения самого автора, решил в этот единственный раз сделать исключение и изменить порядок текста. Поскольку каждая глава представляет собой аккуратно спланированный и заботливо реализованный кусок того, что уже было названо здесь «великой симфонией», как бы одну из ее музыкальных частей (такая часть, как правило, завершается четко оформленным впечатляющим финалом), целью редактора было по возможности включать главы в сокращенный вариант книги целиком. За это пришлось расплачиваться тем, что другие главы были выброшены из текста тоже целиком. Включенные главы имеют те номера, которые даны им в полном варианте книги. Таким образом, читатель может легко найти там полный вариант главы. Номера пропущенных глав указаны в примечаниях. Если глава попадала в текст полностью, этих обозначений казалось достаточно. Но в идеальное правило — включать в сокращенный вариант только полные главы — пришлось внести значительные изменения. Там, где были опущены части глав, применяются два вида обозначений-указателей. Если пропуск не сильно влиял на непрерывность повествования, опущенные абзацы заменялись тремя строками отточий. Если разрыв в тексте был большим, на место пропуска вставляли краткое изложение содержания пропущенного отрывка, выделенное курсивом. Размер этих изложений доведен до наименьшей величины, при которой еще возможно уместить в них необходимую информацию. Из-за того, что в тексте сделаны эти разнообразные вырезки, оказалось невозможным сохранить первоначальные названия глав, и их заменили другими. В целях экономии при печатании книги пришлось также убрать подзаголовки абзацев, которые в полном варианте стояли на полях. Вместо них в текст были вставлены в ограниченном количестве подзаголовки, размещенные посреди страницы, которые должны делить текст на равные по длине отрывки и служить читателю указателями. Во многих случаях они совпадают или почти совпадают с первоначальными заголовками абзацев.

Этими фразами, расположенными вне основного текста, ограничилось наше вмешательство в работу Гиббона. Основной текст нигде не был ни изменен, ни исправлен для соединения отдельных отрывков. Нашей целью было напечатать в точности то, что написал Гиббон, оживив только орфографию, поскольку все уже давно так делают. Этот текст был взят из переизданного доктором Уильямом Смитом издания, которое впервые было опубликовано в 1854—1855 годах деканом Милменом. В целом оно считается самым правильным вариантом книги. В изданиях, вышедших при жизни Гиббона, есть явные опечатки, в современных же воспроизведена часть этих ошибок, а иногда еще добавлены и новые разночтения. Совершенно невероятно, что существует издание, где текст «Упадка и разрушения...» воспроизведен по-настоя-

щему точно¹. В наш текст мы внесли несколько исправлений, о которых умолчали; еще одно предложено в сноске. В модернизации правописания сделан еще один шаг вперед, но несколько устаревших форм речи, которые придают тексту колорит XVIII века, все же не были принесены в жертву идеалу единообразия и связности.

Ранее уже выходили в свет сокращенные варианты «Упадка и разрушения...» и сборники избранных отрывков из этой книги. Ни в одном из них не было ни сносок, ни хотя бы такой большой выборки из них, как здесь. В эту книгу вошли лишь те сноски, которые представляют интерес для всех и, в большинстве случаев, не перегружены цитатами на греческом и латыни. Они остались такими, как написал их Гиббон, с тем лишь исключением, что были убраны ссылки на авторитетных для него авторов, которые, естественно, цитировались по устаревшим с тех пор изданиям или труднодоступным теперь сочинениям. Эти примечания не только делают текст понятнее. Они отражают все стороны характера автора и могли бы, собранные вместе, составить единую застольную беседу. Они информировали, забавляли, а иногда, как слышал редактор, и шокировали не одно поколение читателей. Отпечаток личности автора, лежащий на всей книге, в каком-то отношении был бы частично стерт, если бы ее текст не получил должного сопровождения в виде сносок.

Д.М. Лоу

¹ Более подробную текстологическую информацию см. у мисс Дж.Е. Нортон «Библиография работ Эдварда Гиббона» (Оксфорд, 1940), с. 40. В большом издании Дж.Б. Бари, к сожалению, воспроизведены примерно шестьдесят восемь давних ошибок. В одном из современных репринтных изданий есть серьезные искажения текста, допущенные его собственными издателями.